Отражение в зеркале

Автор:
Анастасия Дюльдина

Отражение в зеркале

Анастасия Александровна Дюльдина

Детская травма подчас самая сильная и самая запоминающаяся. Она полностью меняет жизнь человека, и чаще не в лучшую сторону. Главный герой перенес тяжелейшую психологическую травму, и теперь только один человек, протянувший ему руку, отделяет его от пропасти, до которой остается сделать всего лишь шаг.

Анастасия Дюльдина

Отражение в зеркале

Пролог

Эти шаги… Они такие громкие, почти оглушающие, бьющие набатом по израненной психике паренька. Они отдаются в каждой клеточке тела, заставляют дрожать от бесконтрольного страха и сжиматься в маленький комочек в слабой надежде, что эти звуки прекратятся, остановятся, замрут. Вдруг сейчас произойдет чудо, и эти шаги исчезнут из его головы? Мягкая поступь человека, крадущегося в ночи к комнате мальчишки, почти не слышна для обитателей этого дома, но только не для него.

Он ждал их. Как ждал и каждую ночь до этого на протяжении, наверное, уже целого месяца.

Когда же он остановится? Почему не прекратит? За что так мучает его? Каждый месяц, в один и тот же день…

Обжигающие слезы полились из карих глаз мальчика, и он быстро стер их ладонью, помня о том, что его ночному гостю не нравится, когда он проявлял слабость и позволял себе плакать.

«Мужчины никогда не показывают страха. Они не знают, что такое слезы!»

Но как сдержаться, если с каждой секундой, с каждым громким шагом за дверью отчаяние и паника все сильнее накатывали на парнишку. Губы затряслись в беззвучном крике, глаза распахнулись от ужаса, а сердце на короткий и особенно пугающий миг остановилось. Знает, что сейчас произойдет. Уже всей кожей ощущает, как его вновь окунают в грязь с головой, и все глубже и глубже, пока не захлебнется там, не подавится своим собственным криком.

Свет. Он снова включит свет, заставляя смотреть на него, как он медленно снимает с себя всю одежду, а потом и его заставит сделать это. Еще минута… Нет, несколько секунд отделяет его от очередного кошмарного визита. Ручка двери уже тихонько поворачивается, распахивая слабую защиту, создававшую до этого лишь иллюзию крепости. Здесь не укрыться, и он знает об этом. Ему никто не поможет. Никто не придет и не спасет…

В темноте его силуэт кажется еще больше, еще выше и еще страшнее. Мрачной тенью он скользит в комнату, прикрывает за собой дверь и останавливается у стены в том месте, где выключатель.

– Пожалуйста, не надо, – шепчет мальчик, глотая слезы, до последнего надеясь, что его услышат, что поймут и перестанут приходить. Он должен! Ведь кто, если не он… Кому еще можно довериться в этой жизни, если не самому близкому и родному человеку?

– Все хорошо, малыш, – свистящий шепот заставляет вздрогнуть всем телом и еще сильнее вжаться спиной в стену, подобрав под себя ноги и прикрываясь одеялом до подбородка, – Я люблю тебя, ты ведь знаешь это, так?

Парнишка кивает, не в силах произнести ни слова. Конечно, любит. Он каждый месяц это доказывает, точнее, показывает. А так хочется забыть!

– И сегодня у нас с тобой особенная ночь, – говорит мужчина, протягивая руку к выключателю и зажигая яркий свет над их головами.

Крепко зажмурившись, мальчик всхлипывает, утирает слезы дрожащими пальцами и смотрит на него большими доверчивыми глазами. Может быть, сегодня не будет так страшно? Вдруг он решил просто посидеть с ним? Не будет раздеваться, не ляжет с ним в кровать, не станет тереться об него…

– Пожалуйста, папа… – голос дрожит, прерывается, замирает на секунду. – Папа, не нужно.

– Мы ведь любим друг друга, да? – кивает мужчина, медленно снимая с себя рубашку и бросая ее на пол. Шаги возобновляются, едва различимые из-за толстого ковра под ногами. – И сегодня я хочу, чтобы ты доказал мне это, Кирилл.

Парень застывает. Слишком хорошо он знает этот взгляд: потемневший, мутный, сальный; рот кривится в ухмылке, которая потом даже днем стоит перед глазами; руки медленно спускаются к штанам, развязывая шнуровку на легких трениках, приспуская их вниз. Да, сейчас его заставят лечь, повернуться спиной, и он снова почувствует…

Туман. Не позволяет вспомнить, дает забыть…

Он будет лежать смирно, пока папа пыхтит над его ухом, шепча какие-то слова, поглаживая его по голове, по плечам, по спине и бокам.

А через пятнадцать минут уйдет, оставляя растерянного, испуганного, униженного сына одного в комнате. Уйдет и не увидит, как тот быстро прошмыгнет в ванную и с остервенением будет натирать себя мочалкой, смывая следы отцовской «любви». Ведь папа знает, что эта тайна останется между ними, и не боится. Никто не проронит ни слова на утро, как будто все было лишь сном, но воспринимающимся по-разному.

Все ближе и ближе, шаг за шагом, пока не оказывается у самой кровати, пристально разглядывая сжавшегося в комок сына, что с ужасом наблюдал за действиями мужчины. Опять усмешка искажает загорелое лицо отца, превращая его в уродливую маску. Глаза остаются холодными, и на дне ледяным айсбергом плавает извращенная похоть. Ближе. Еще несколько шагов.

Кирилл готов смотреть ему в лицо, лишь бы не опускать головы, не замечать… Туман… Все заволакивают густые, непроницаемые облака… И он не хочет вспоминать… Разве любовь может быть такой мерзкой и отвратительной?

– Я еще кое-что принес для нас, – растягивая слова, произносит мужчина, показывая то, что держал в руке. Мальчик и не заметил этого раньше, сосредоточившись на своем страхе да наблюдая за плавными движениями хищника. Это был какой-то тюбик, очень похожий на тот, что лежит в их ванной. – Ты уже достаточно взрослый, чтобы мы могли стать ближе друг к другу.

– Что это, папа? – доверчивый, открытый вопрос, но вызывает лишь хриплый смех, продирающий до самых костей, заставляющий волосы на затылке шевелиться от ужасных предчувствий.

Не проронив больше ни слова, отец присаживается на край кровати и тянет одеяло на себя, которое прикрывало полуголого парнишку. Тот крепко цеплялся пальцами за край, отчаянно мотая головой и мечтая лишь об одном: чтобы сейчас сюда вошла мама и спасла его от «любви» папы. Но она всегда крепко спит в такие ночи, а больше у него никого и не было. Он один в этом мире, наедине со своим страхом и своим отчаянием.

Если закрыть глаза, то станет легче? Нет, но зато он не увидит похотливой улыбочки того, кто всегда обещал защищать и не давать в обиду, того, кто любил подкидывать сына на руках в воздух и громко, заливисто смеяться, слушая такой же искренний смех в ответ того, кто ласково трепал его по непослушным русым волосам, и в такие моменты можно было увидеть отблеск солнца на дне карих глаз.

Такие теплые и дорогие сердцу моменты блекли, меркли, высыхали, словно застаревшая краска, стоит лишь вернуться в реальность и ощутить горячие ладони мужчины на своих плечах. Но сегодня все было иначе. Не так, как

прежде.

Он не хочет открывать глаза, да отец и не требует от него этого. В темноте не так страшно, пусть и создается такое ощущение, словно он плывет в вязком, странном облаке, удушающем своей плотностью. Пусть, что каждое прикосновение ощущается вдвойне, отдаваясь во всем теле крупной дрожью. Горячие ладони мужчины, осторожно переворачивающие его на живот, заставляющие упереться головой в подушку…

Что-то не так… Раньше этого не нужно было.

Туман…

Ладонь легла на его спину, между лопаток, и удерживала в таком положении, пока совершено новые и сводящие с ума от ужаса ощущения не проникли в сознание.

Туман… Он помогает скрыть ту боль, что настигает с каждой секундой сознание…

Тихий голос отца, нашептывающий что-то о любви, преданности, прощении, – это было сейчас так далеко, невообразимо далеко, там, где существуют только темнота и пустота. В том далеком уголке нет страха, нет унижения, нет острого и невыносимого чувства предательства. И можно даже на мгновение забыться, уйти так глубоко, насколько только было возможно. Туман… Забыть об этом случае!

Все пусть накроет туман…

Просто уйти. Подальше от жестокой реальности. От безумного отца-педофила. От разбитого, скомканного, вырванного из груди детства. Потерять себя и ту чистоту, с которой еще совсем недавно мальчик смотрел на этот мир.

Часть 1. Первый визит в прошлое

– Не думаю, что когда-нибудь захочу вспоминать подробности тех ночей.

– Но нам все равно, рано или поздно, придется дойти до этих моментов, ты ведь понимаешь?

Кирилл переводит равнодушный взгляд на мужчину, сидящего в соседнем кресле и что-то записывающего в свой маленький блокнотик. Его глаза скрываются за стеклами очков в тонкой черной оправе. По нему сейчас невозможно сказать, о чем тот думает, но на лице тенью лежит отпечаток их разговора.

– Доктор, я слишком труслив для этого, вы же видите, – хмыкает парень, вновь возвращая все свое внимание к окну. Там интереснее, там жизнь, там свобода – то, что ему недоступно. – Даже если бы я очень захотел, то не смог бы.

– Мозг человека умеет отсекать ту информацию, которая, по его мнению, является опасной для общего состояния тела, – тихо отвечает доктор, поднимая голову и разглядывая пациента, – или души. Сколько ты уже у меня лечишься? Полгода, вроде? Или больше?

– Год и три месяца… – машинально поправляет его Кирилл. Сейчас уже весна за окном. Маленькие почки на кустах жасмина, птицы, перелетающие с ветки на ветку и поющие о чем-то своем, легкий ветерок, приносящий с собой запах свежести и утренней росы.

А когда он только появился в этом месте, то на улице вовсю мела метель, погружая природу в белоснежные покрывала, окутывая собой все пространство, насколько хватало глаз. Здесь, вдали от городской суеты, от звуков каменных джунглей и загазованности воздуха, все казалось нереальным, странным и до умопомрачения тихим, почти неживым. Слишком оглушающей казалась Кириллу тишина, что окутала его, стоило лишь ступить на территорию закрытой клиники.

– И за это время мы мало продвинулись с тобой, – со вздохом продолжает доктор, делая очередную пометку в своем блокноте…

«…Психопатия…»

– …Ты ведь знаешь, что можешь мне доверять. И для твоего излечения нам необходимо разговаривать, нам нужно вытащить на свет все твои страхи и постараться перебороть их.

– Я принимаю достаточное количество таблеток, Андрей Викторович, чтобы бороться со своими фобиями, – качает головой Кирилл, не отвлекаясь от созерцания черных грозовых облаков в небе.

«…Шизоидная…»

– Этого недостаточно, – с нажимом говорит собеседник, сверкнув стеклами своих очков. – Сам ведь знаешь, что лекарства служат только для облегчения симптомов, и они не смогут помочь…

– Да, я знаю, – пожимает плечами пациент, и доктор вновь тяжело вздыхает.

Это был интересный и неординарный случай, лечить который трудно, а найти верный подход еще труднее. Этот молодой человек, что сейчас сидит перед ним и без каких-либо эмоций отвечает на вопросы, пережил серьезную психическую травму, результатом которой и стало возникновение такого заболевания. Практика у доктора была хорошей, и в свои пятьдесят с небольшим он успел повидать много психов, истериков, шизоидов, но каждый раз ему приходилось прибегать ко всему своему опыту, чтобы постараться помочь, сделать все от него зависящее, чтобы если не вылечить, то вернуть таким людям способность к существованию в реальной жизни.

– Как у тебя дела обстоят с зеркалами? – возвращается к разговору Андрей Викторович. – По-прежнему не можешь подходить к ним?

Сейчас на карту поставлена жизнь молодого двадцатипятилетнего паренька, а точнее, его психика и его судьба. Ошибаться нельзя. Нужно действовать осторожно и идти в верном направлении.

Кирилл вздрагивает и поворачивается всем корпусом к своему лечащему врачу. Он задал вопрос, от которого все внутри перевернулось, вызывая

неконтролируемые рвотные позывы. В горле вмиг образовывается огромный ком, мешающий говорить, связно мыслить, и руки неосознанно тянутся к небольшой книжке, до этого лежащей на тумбочке рядом с креслом. Взять ее, сжать в ладонях, почувствовать ее тяжесть и ощутить реальность кончиками пальцев. Схватиться за нее, как за спасительную ниточку, не дающую вновь провалиться в бездну своего вымышленного мира. Нельзя опять позволить себе упасть! Он ведь так старается твердо стоять на ногах, не шатаясь и не делая новых шагов к пропасти.

Старается. Ради себя. Ради него. Ради нее. Обещал ведь.

Он должен сражаться. Да. Ведь, учитывая его состояние, болезнь, которая так мешает жить, подпустил Кирилл к себе только одного человека достаточно близко. Настолько, чтобы теперь бояться потерять…

…Разве он что-то может противопоставить этим придурковатым мальчишкам, возомнившим себя самыми умными и крутыми? Что ему сделать, чтобы его оставили наконец в покое?

После смерти отца год назад что-то окончательно сломалось в Кирилле, превращая его в нелюдимого, закрытого подростка, совершенно не умеющего находить общий язык со своими сверстниками. Из-за того, что он всегда молчал и ни с кем не общался, Кирилл три школы успел поменять, и в конце концов это даже ему самому осточертело! Мама остановила свой выбор на этом месте, и сыну пришлось согласиться. Десятый класс. Ему из-за переезда многое нужно было наверстать по программе, подтянуть свои знания по отдельным предметам, и Кирилл был даже рад этому. После утомительных занятий он мог спокойно пойти в местную библиотеку, которая закрывалась в одиннадцать, и сидеть там до самой ночи, полностью погрузившись в книги.

Успеваемость была средняя, но парень все равно продолжал с упорством заниматься, стараясь сосредоточиться на предметах, вникнуть в новые темы, понять их и запомнить. Да он был готов сделать что угодно, лишь бы не возвращаться в их новую квартиру, куда они с мамой месяц назад переехали. Находиться в пустых четырех стенах, словно в камере, стало для Кирилла невыносимо. И постоянное чувство вины не приносило ничего, кроме холодного отчуждения. Взаимопонимания с единственным близким человеком не было –

она либо молчала, либо крыла его на чем свет стоит.

За последние пару лет он совсем перестал общаться со своими знакомыми, разорвав все прежние отношения с друзьями.

Переезд пришелся кстати. Он смог – почти смог – забыть тот ужас, что пережил в ту ночь. Теперь он не думал об отце все двадцать четыре часа в сутки. Нет. Все, что ему осталось от него, – острое чувство одиночества и депрессия, которые не проходили даже, когда он засыпал.

А днем, ненадолго забывшись в школе, вновь возвращались, когда он приходил домой. А еще там было много зеркал. Кирилл ненавидел зеркала…

– Чего ты молчишь, придурок? – окликнул его один из парней, что стояли сейчас вокруг, словно стервятники над своей добычей.

На лице без явных признаков умственной активности застыло выражение полного самодовольства. Было видно, что этот псих считает себя и своих туповатых дружков героями всей школы. А в чем это проявлялось? Подлавливать вот таких вот тихонь, как Кирилл, в подворотне и избивать? Вот ведь повезло!

– Он язык проглотил! – загоготал второй парень, словно отмочил шутку года. Под правым глазом у него красовался большой фингал. Этот – явно любитель лезть в драку первым.

– А давай-ка мы поможем ему приспособиться к жизни в новой школе? – довольно потирая руки, вступил в разговор третий подросток, делая шаг к Кириллу, прижатому к стене за зданием их школы. – А то уже месяц тут, но ни с кем даже разговаривать не начал.

– Да, мы научим его нашему языку, – охотно кивнул главарь всей шайки и резко ударил кулаком парня в живот.

Кирилл, явно не ожидающий подобного от совершенно незнакомых ему ребят, скривился от боли и согнулся пополам, чем вызвал лишь новую порцию смеха у нападавших.

– Он, кажется, из класса Машки, – подметил тот, что с фингалом, разглядывая корчившегося на земле парня. – И мне кажется, что он смотрит на нее слишком уж откровенно.

Что? Какая Машка? На кого он смотрит? Это же бред! Так много всего хотелось сказать, но от второго удара, пришедшегося прямо в бровь, рот наполнился слюной, а в голове все мысли смешались. Третий удар – по скуле, и перед глазами все поплыло. Внезапно появилась полная апатия ко всему происходящему. Пусть делают с ним все, что захочется, только бы побыстрее. Изобьют? Да ради бога! Он ни слова им не скажет. Сам виноват. Только его вина в том, что происходит с ним, и ничья больше. Сколько же ошибок он совершил, раз приходится расплачиваться таким образом!

– А ну-ка, отвалили от него, уроды! – резкий окрик заставил удары прекратиться, а его мучителей – отступить назад. – Я вам сейчас руки переломаю в трех местах сразу! Пошли вон!

– Валим, это же Темыч!

Шаги уже через секунду стихли, но вместо них появились другие. Его спаситель подошел ближе и присел на корточки рядом с лежащим парнем, после чего слегка потормошил его за плечо:

– Ты цел, Кир?

Шевелиться не хотелось, как и отвечать. Страх завладел всем телом, сковывая его в твердые тиски и не позволяя даже пальцем пошевелить. Во рту чувствовался отвратительный металлический привкус, и все болело. Почему его просто не оставят в покое? Почему каждый считает своим долгом подойти к нему и задать очередной вопрос, на который ответа все равно не дождется? И откуда он знает его имя?

– Ну, наверное, это все потому, что ты слишком загадочный персонаж! – ответил тот самый Артем, чем заставил Кирилла удивленно поднять голову. – Ты вслух это сказал, – кивнул парень, усмехаясь и протягивая тому руку. – А имя твое я от учителя услышал, ничего сверхъестественного…

…Это была их первая встреча, которую оба запомнили надолго. Многие задавались вопросом: как же так вышло, что эти двое сдружились? Две противоположности, словно небо и земля, огонь и вода. Кирилл – нелюдимый, необщительный, замкнутый, от которого услышать хотя бы слово уже было достижением; и Артем – легенда школы, любимец девчонок, отличник и звезда местного клуба по самбо. Они как-то незаметно для всех, как и для самих себя, стали чаще общаться и вместе ходить из школы домой: жили по соседству, как после выяснилось.

Точнее, общением это было трудно назвать: говорил в основном Артем, а Кирилл только слушал, изредка вставляя какие-то предложения. Но, как ни удивительно, этого было достаточно ребятам, чтобы понять, что их дружба будет долгой.

И что осталось у них сейчас? Руины.

– У меня в комнате нет зеркал, – отвечает на вопрос доктора Кирилл, отвлекаясь от своих приятных воспоминаний, омраченных суровой действительностью. – И в ванной нет, и я попросил санитарку убрать все отражающие предметы из коридора, по которому я хожу к вам.

– Тебе рано или поздно придется пересилить свой страх, – опять знакомое покачивание головой, которое означает, что Андрей Викторович крайне озабочен и взволнован. – Сейчас я бы хотел поговорить о твоем друге. Вижу, что он сыграл большую роль в твоей жизни.

– Да, это так, – сделав над собой усилие, произнес Кирилл.

Он не хотел вмешивать сюда Артема. Вся та грязь, что всплывает с каждым новым сеансом, все дерьмо из прошлого, в которое приходится окунаться раз за разом, – он не имеет права смешивать с тем единственным, светлым и чистым, что еще осталось у него. С единственным другом.

– Пожалуйста, я могу пойти к себе? – Кирилл внезапно чувствует себя слишком уставшим, чтобы продолжать их беседу. Он и так достаточно много рассказал сегодня, на неделю хватит!

– Да, конечно, – с пониманием кивает доктор, закрывая свой блокнот и поднимаясь из кресла. – Продолжим завтра в девять.

– Я хочу утром пробежать несколько кругов по территории, – бросает у самого выхода Кирилл, поворачивая ручку двери и распахивая ее настежь, – а потом сразу же к вам.

Как только дверь за пациентом закрылась, доктор отворачивается и идет к своему столу, на котором среди прочих лежит особо интересующая его история болезни.

«Пациент: Бехтер Кирилл Андреевич.

25 лет. Не женат. Детей нет.

Семья: мать, Бехтер Елена Николаевна, 46 лет. Медсестра в больнице № 76. Отец, Бехтер Андрей Петрович, 50 лет. Скончался от многочисленных травм, полученных в автомобильной аварии, девять лет назад.

Первоначальный диагноз: невроз навязчивости, острая депрессия, синдром психического автоматизма.

Течение: иллюзии, галлюцинации, в основном тактильные, сенестопатия[1 - Тягостное, неприятное телесное ощущение, локализуемое на поверхности тела или во внутренних органах, лишенное предметности, возникающее в отсутствие объективного патологического процесса в месте ее локализации.Частый симптом психических заболеваний, входит в структуру ипохондрического бреда, депрессивного синдрома, синдрома психического автоматизма и других.].

Особые заметки: в ходе коротких сеансов было выявлено отторжение к общению, как следствие поставлен дополнительный диагноз – шизоидная психопатия. Пациент отказывается от диалогов со всеми, кроме меня, своего лечащего врача. Замкнут, холоден, не проявляет никаких эмоций, безразличен к любым попыткам контакта с ним…»

Глубоко вздохнув, Андрей Викторович подходит к окну и смотрит на низкие облака, лениво проплывающие над головой. Работа предстоит долгая и трудная, но он просто обязан поставить этого паренька на ноги и вернуть ему желание жить.

Часть 2. Первый срыв

Кирилл быстро идет по коридору, стараясь лишний раз не поднимать головы. Да, зеркал здесь больше не было – все-таки его просьба услышана, однако страх до сих пор жил в нем, подпитываясь от бесконтрольной паники, возникающей из ниоткуда.

Ему осталось семьдесят три шага до своей палаты, семьдесят два… Как же далеко! И почему нет места поближе к кабинету доктора? Например, в палате напротив – там никого не было. А его временное пристанище располагалось аж в противоположном крыле, откуда идти ему приходилось почти сто тридцать девять шагов. За это время столько мыслей в голове пролетит, что Кирилл не успевает зацепиться за какую-то конкретную, но чаще просто не старается.

Он знает, что виноват перед доктором. Тот искренне старается ему помочь, сделать все возможное, чтобы вернуть ему привычный, но давно утраченный образ жизни – светлой, не омраченной тяжестью случившейся с ним в детстве беды. А еще он виноват перед матерью, которая до последнего пребывала в неведении относительно того, что происходило между ее сыном и мужем… Точнее, он так сначала думал. А после уже не было времени жалеть себя, нужно было просто продолжать свое жалкое существование дальше, делая вид, что он все забыл и не вспоминает.

И он очень виноват перед Артемом. Единственный его друг, готовый прийти на помощь в любое время дня и ночи. И приходил. По первому же звонку срывался и летел к нему, где бы он ни находился и что бы ни делал…

…Выйдя из своей комнаты, Кирилл направился прямиком на кухню, где его уже ждал завтрак и свежесваренный кофе. Мама через полчаса уйдет на суточную

смену в больницу и вернется только завтра. Хоть бы парой слов с ней переброситься, чтобы не забыть, как звучит ее голос, каким мягким он бывает и нежным, чтобы не забыть, что он все еще ее сын.

– Доброе утро, мама, – произносит Кирилл, заходя в небольшую кухню. Елена Николаевна вздрагивает и резко поворачивается к нему, пронзая острым взглядом серых глаз.

– Ты напугал меня, – шипит женщина, словно через силу выплевывая слова, – не смей так подкрадываться ко мне со спины!

– Прости, – извиняется парень, усаживаясь за стол и придвигая к себе тарелку с яичницей, – но ты стояла у плиты, наверное, и не слышала меня.

Только с ней он до сих пор мог разговаривать, пусть и слышал в ответ всего несколько слов. Обычный монолог, который с каждым днем давался все труднее и труднее, ведь это было сравни крика в пустоту. После смерти отца мама совсем сдала – и по здоровью, и по отношению к сыну. Она ничего не говорила, но этого и не требовалось, чтобы чувствовать, всей кожей ощущать ее обвиняющие взгляды в его сторону.

Так не хотелось принимать причину ее странного поведения! Ведь это означало бы, что он признал свою вину перед ней, перед умершим отцом, перед самим собой за слабость и никчемность. Именно из-за него распалась их семья! Именно он встал между родителями, разделяя их, разводя по разные стороны. Но нельзя было не признать тот факт, что мама слишком сильно любила отца, чтобы больше заботиться о сыне. Муж всегда на первом месте, только он и его желания, а уже все остальное. На каком же, в данном случае, месте находился сам Кирилл? Наверное, в конце списка, это уж точно.

– Мам? – парень внимательно следил за тем, как женщина моет посуду у раковины, и вновь уловил, как она едва заметно вздрогнула от звука его голоса. – Почему, мам? Почему ты так поступаешь со мной? Ведь это я жертва! Это меня уничтожили, растоптали, смешали с грязью!

– Тебе пора в школу, – процедила сквозь зубы Елена Николаевна, выключая воду и вытирая руки о полотенце, висевшее на спинке стула. Она так и не взглянула в его сторону, ни разу за последние несколько месяцев!

– Посмотри на меня, мам, – попросил Кирилл, вставая со своего места и делая шаг к ней навстречу.

– Не смей приближаться ко мне! – взвизгнула женщина, отпрыгивая от него, словно от ядовитой змеи, что попалась у нее на пути. – Когда только до тебя дойдет, что я не намерена тебя жалеть и успокаивать! Ты сам виноват в том, что произошло, и отец погиб из-за тебя!

В ее взгляде читалась такая неприкрытая ненависть, что на минуту парень забыл, как дышать, а в груди с ужасающим треском что-то лопнуло – может, это его сердце разбилось на тысячу осколков? Вполне возможно. Неверие, непонимание, ужас – только эти эмоции плескались в глазах Киры, который с открытым ртом смотрел на свою мать и не мог понять, как же так произошло, что та, которая должна была любить и защищать, предала его?

– Почему ты меня во всем винишь? – воскликнул он, вглядываясь в потемневшие от ярости глаза матери. – Это же отец…

– Не смей даже имени его произносить! – зашипела Елена Николаевна, презрительно окидывая с головы до ног худую фигуру сына. – Ты посмотри на себя – кто ты такой, чтобы судить своего отца?! Он любил тебя, а ты недостоин даже его мизинца, маленький ублюдок!

Ошарашенный, сбитый с толку такими откровениями, пригвожденный к месту суровым взглядом матери, Кирилл не мог даже пошевелиться. После смерти мужа она впервые заговорила о нем и о том, что произошло между ним и сыном. Она всегда знала… Всегда. Только ничего не делала, чтобы помешать извращенным развлечениям своего мужа, боясь, что тот уйдет и бросит ее. А расплачиваться за страх приходилось Кире.

– Я очень надеюсь, что, когда тебе исполнится восемнадцать, ты поступишь в институт и переедешь отсюда! – ровным холодным тоном продолжила Елена Николаевна, проходя мимо застывшего парня. – Я смотреть на тебя спокойно не могу. Сразу вижу его…

…Доктор Хлыстов внимательно изучает взволнованное лицо пациента и понимает, что пора переходить к следующей стадии. Одной из самых важных и болезненных, но которую совершенно точно нельзя обойти стороной. Уже прошло достаточно времени, чтобы некоторые болезненные воспоминания притупились и о них можно было говорить.

– О чем поговорим сегодня? – неловко ерзает в кресле Кира, вращая головой по сторонам, словно впервые видит обстановку рабочего кабинета.

– На одном из наших первых сеансов, – аккуратно начинает доктор, сверяясь со своими записями в медицинской карте пациента, – ты заявил, что готов говорить о чем угодно, но только не о двух вещах. Сейчас что-то изменилось?

– Пожалуй, – тихо произнес парень, прекрасно помня о запретных для себя темах. – О друге и о матери.

– Расскажи мне об отношениях с мамой, – мягко просит доктор, чуть опустив голову и разглядывая его поверх своих очков, – по обрывкам наших с тобой разговоров я успел сделать некие выводы. Вы живете раздельно?

– Да, я переехал, когда стало совсем невыносимо смотреть в ее глаза, – вздыхает Кирилл, отворачиваясь к окну, – она считала меня виноватым в том, что отец погиб.

– Почему?

– Потому что в тот день, когда он разбился, мы с ним поругались, – парень напрягся, огромным усилием воли заставляя себя продолжить рассказ и не отступить. – Честно говоря, уже толком не помню причины, но точно запомнил, как мама встала на его сторону, сообщив мне, что я должен слушаться своего отца и ни в чем ему не перечить. Я не кричал, не ругался, не бился в истерике, как иногда делают другие дети – я ж особенный! – хмыкает Кирилл и продолжает. – Это разозлило отца, и он начал орать на маму, что она сделала из меня какого-то слюнтяя, хлюпика, отмороженного. А потом хлопнул дверью, и все.

– Ты больше его не видел?

– Нет, – качает головой парень, – только на похоронах. Знаете, док, с тех пор мама редко со мной говорила. Все мои попытки быть ближе к ней оборачивались полным провалом. В ответ я неизменно натыкался на высокую неприступную стену и на ее ледяной взгляд. Со временем я принял это как данность, и ее предательство, и ее нездоровую любовь к отцу, которого она всегда любила больше, чем родного сына.

Тяжело вздохнув, Кира закрывает глаза и откидывается на спинку кресла. До сих пор тяжело вспоминать ее. Вновь возвращается забытая было боль. И сердце медленно наполняется холодом.

– Я по-прежнему люблю ее, – тихо продолжает он, – она же моя мама, никуда от этого не деться. Просто сам факт того, что она все знала, но выбрала путь неведения… Притворяться, что у нас нормальная семья, что не видит, как я с каждым месяцем все хуже и хуже воспринимаю действительность… Она полностью сосредоточилась на муже, вычеркнув меня из своей жизни.

– Как ты думаешь, по какой причине она это сделала?

– Вы задали тот самый вопрос, на который я много лет пытался ответ найти, – печально усмехается Кирилл. – Теперь мне кажется, что она просто ревновала отца ко мне. Смешно, правда? Мужа ревновать к собственному сыну!

– И как ты теперь смотришь на всю эту ситуацию?

– Сейчас мне все это безразлично, – пожимает плечами парень, открывая глаза и глядя на доктора с легкой улыбкой, – у нее своя жизнь, а у меня своя. Иногда звонил ей, чтобы просто узнать, как у нее дела. Все ли хорошо? Но трубку она так и не взяла, поэтому я оставил попытки связаться с ней. Если мама решила полностью забыть меня, вычеркнуть из своей памяти, то, как бы больно мне ни было от этого, я смирился.

– Почему?

– Потому что я нашел свою настоящую семью…

…Кирилл открывает дверь в свою палату и проходит в небольшое помещение, обставленное достаточно скромно, но со вкусом. Клиника была закрытой, и, чтобы в нее попасть, надо было заплатить сумасшедшие деньги, поэтому и в декоре здесь не скупились, отрабатывая каждую копейку, вкладывая каждый рубль в это заведение. Доктора и медсестры – квалифицированный персонал, имели индивидуальный подход к каждому пациенту и действительно старались вылечить его, а не просто отфутболить, едва получив на счет очередную кругленькую сумму.

Мягкая кровать, тумбочка, стол и кресло, а еще книжный шкаф, расположившийся у стены справа от входа. Кириллу этого было достаточно, чтобы чувствовать себя здесь уютно. Единственное, что его до сих пор смущает, так это небольшая картина, висевшая над его кроватью, – на ней изображено штормовое море, в котором потерялась маленькая лодка. Вроде ничего особенного, но стоит только взглянуть на нее, как рисунок неизвестного художника словно оживает, представляя изумленному взору парня настоящую борьбу со смертью. Лодка раскачивается на огромных волнах, переворачивается, вновь выплывает, а беспощадное море в который раз старается поглотить чужеродный объект в своем лоне.

Вздохнув, Кирилл не смотрит по сторонам, проходит к своей кровати и садится на нее, уставившись немигающим взглядом в стену. Когда он сможет вылечиться? А сможет ли вообще сделать это?

Наверное, он смог бы многое пережить, пройти через детскую травму с высоко поднятой головой, имей он поддержку близкого человека, понимание и принятие его ущербности. Да только предательство матери уничтожило хрупкие ростки надежды, что еще теплились в душе.

В руках у него до сих пор зажата маленькая книжонка, и парень медленно открывает ее на закладке. Сотню раз читал это произведение, но каждый – словно первый. Дотронуться пальцами до пожелтевших страниц, почувствовать запах истории, кожей ощутить ее значимость.

«Божественная комедия» Данте Алигьери.

Кирилл не мог насытиться этим произведением, вновь и вновь окунаясь в историю, которая слишком прочно ассоциировалась у него со всем

происходящим вокруг. Словно это он проходит девять кругов Ада, преодолевая испытания, наблюдая за мучениями со стороны и испытывая при этом свои собственные. Это он упорно идет вперед, круг за кругом, чтобы в самом конце встретиться со своим самым большим страхом. Пройти весь путь к своей цели, к своей спокойной жизни, к своей мечте – дойти до нее. Не сломаться, не повернуть обратно. Нельзя. Он должен вернуть себе то, что забрала у него судьба.

Книга для Кирилла была своего рода проводником, за которого он цеплялся в самые плохие моменты, когда скручивало, подбрасывало, выворачивало наизнанку. Он держал ее в руках и старался сосредоточиться на ней, на том тепле, что исходило от ее страниц, на тех воспоминаниях, что она дарила ему. Ведь эту книгу он получил от Артема в тот день, когда впервые сорвался…

…Это был странный день. По всем показателям сразу. Даже начинался не так, как обычно. Кирилл встал рано, еще до ухода матери на дежурство, и успел приготовить им обоим кофе. Завтрак проходил в молчании – так уж повелось, что говорить с самым близким и родным человеком стало не о чем, да Кирилл и не тянулся больше к ней. Всегда пропадающая на работе, не уделяющая сыну никакого внимания, мама жила словно сама по себе, лишь изредка удостаивая его хотя бы слова.

Возможно, к лучшему, ведь груз непосильной вины, лежащей на плечах Кирилла, не позволял ему до конца быть открытым с ней. Оба знали, чувствовали, что с ним происходит неладное, что в нем разрастается какая-то болезнь, что с каждым днем поглощает все больше и больше, но старались не замечать. И в конце концов превратились со временем в абсолютно чужих людей друг для друга.

Кирилл молча проводил мать до двери и вернулся в свою комнату, чтобы захватить сумку и переодеться. Сегодня у него в институте пять пар, на которые ему нельзя не приходить. Предметы интересные, но больше его волновало то, что они соединены с параллельным курсом, на котором учился Артем.

От сборов его отвлек звонок телефона, показавшийся каким-то чужеродным в этом пристанище тишины и покоя. Достав его из кармана своей куртки, парень с улыбкой прочитал «Тема» на дисплее. Сердце уже забилось как сумасшедшее, а

ладони вмиг вспотели. Вот он, тот самый человек, благодаря которому он еще не бросил обучение. Только он поддерживал и был рядом. Делал то, что не смогла сделать мать, точнее, не хотела.

– Ты чего так долго трубку не берешь? – раздалось на другом конце, когда Кирилл наконец соизволил нажать на кнопку и ответить на звонок. – Я, между прочим, уже на остановке и жду тебя.

– Собираюсь, – пропыхтел парень, напяливая кроссовки и почти вылетая из квартиры. – Только что маму проводил на работу.

– И как? – поинтересовался голос, в котором не было любопытства, слишком хорошо он знал ответ на свой вопрос. – Пообщались?

– Да, весьма продуктивно.

– Давай скорее, а то опоздаем, – поторопил его Артем, – сегодня нам еще предстоит после пар одна интересная встреча.

Тяжело вздохнув, Кирилл закрыл дверь. Иногда он искренне не понимал своего друга: зачем тот с завидным упорством пытался познакомить его с какой-либо девушкой? Это ведь всегда заканчивалось плачевно: либо девушка сбегала от него уже на второй минуте общения тет-а-тет, либо он сам выдумывал несуществующие причины, чтобы поскорее свалить домой. Он просто не мог пересилить себя и пойти на тесный контакт! Не щелкал переключатель в голове. И сегодня, Кирилл был уверен, произойдет то же самое.

В комнате было темно, душно и как-то неуютно. Расслабиться не получалось, хотя парень старался изо всех сил. Где-то глубоко в душе он понимал, что ему надо перебороть свои страхи, уничтожить ту стену, что воздвиг вокруг себя, если хотел быть как все и жить нормальной полноценной жизнью. Он должен позволить себе чуточку больше, да только как же это сделать?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тягостное, неприятное телесное ощущение, локализуемое на поверхности тела или во внутренних органах, лишенное предметности, возникающее в отсутствие объективного патологического процесса в месте ее локализации.

Частый симптом психических заболеваний, входит в структуру ипохондрического бреда, депрессивного синдрома, синдрома психического автоматизма и других.

Купить: https://tellnovel.com/dyul-dina_anastasiya/otrazhenie-v-zerkale

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити